

Н. Д. КОЧЕТКОВА

НЕИЗВЕСТНАЯ ПЬЕСА Е. С. УРУСОВОЙ

Княжна Екатерина Сергеевна Урусова (1747—после 1817) — одна из немногих русских писательниц XVIII в., которые выступали в печати не только с переводами, но и со своими оригинальными сочинениями. Она неплохо владела пером, и опубликованные ею поэмы и стихотворения снискали похвалы современников.¹ Она была хорошо образована, и можно вполне согласиться с предположением В. А. Сомова, что Mlle (Mademoiselle) Urusoff в списке подписчиков на «Российскую историю» Ш. Левека — это именно Екатерина Сергеевна, которая не была замужем.² Урусова интересовалась театром. В своем произведении «Ирои́ды, музам посвященные» (1777) она упоминала персонажей из трагедии А. А. Ржевского «Подложный Смердий» и трагедии А. В. Храповицкого «Идамант». Сама княжна принимала участие в домашних спектаклях. Так, она исполняла роль Гориславы в постановке трагедии М. М. Хераскова «Идолопоклонники, или Горислава» (1782).

Однако до сих пор ничего не было известно о принадлежащей Урусовой одноактной пьесе, хранящейся ныне в ОПИ ГИМ. Текст пьесы невелик: он занимает 14 листов, листы 15—16 — чистые. Эта рукопись, написанная четким писцовым почерком, озаглавлена: «Волшебный куст. Комедия в одном действии. 1790 года июля... числа. Писана в селе Сомове». Другим почерком добавлено: «Сочинена княжною Катериною Сергеевною Урусовою». Далее в перечне действующих лиц тем же почерком указаны исполнительницы ролей: *Лид*а — Катерина Алексеевна; *Ми*—

¹ См.: Кочеткова Н. Д. Урусова Е. С. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р—Я). С. 296—299.

² Сомов В. А. Книга П. Ш. Левека «Российская история» и ее русский читатель // Книга и библиотеки в России в XIV—первой половины XIX века. Л., 1982. С. 82—99.

лета, сестра Лидина — Марья Алексеевна. Имя исполнительницы роли Волшебницы тщательно затерто. Можно полагать, что эту роль исполняла сама Урусова.

Пьеса была написана для домашнего театра. Подобные опыты получили распространение в России последних десятилетий XVIII в. О. Н. Купцова выделяет три основных этапа в развитии этого рода спектаклей. Если в 1770—1780-е гг. сценарии во многом служили подражанием царским праздникам, то в 1790—1800-е в них стала преобладать сентименталистская тематика, а позднее уже стали появляться черты самоиронии и пародии.³ В этих домашних спектаклях принимали участие и женщины. В частности, в 1794 г. в качестве автора небольшой пьесы-пролога, написанной на французском языке («*Le Retour désiré*» («Желанное возвращение»)),⁴ предназначенной для постановки в семейном и дружеском кругу, выступила Н. И. Плещеева, известная своей многолетней дружбой с Н. М. Карамзиным. В подробном обзоре праздников, происходивших в загородных резиденциях и усадьбах, А. Ю. Веселова отмечала, что для усадебных представлений было характерно стремление «расширить праздничное пространство за счет сада».⁵ Эти наблюдения могут быть отнесены и к вновь найденной пьесе.

В отличие от Плещеевой Урусова написала свою пьесу на русском языке. Она так обозначает место действия: «Театр представляет рошу, в правой стороне куст с различными цветами». Появляющаяся на сцене девочка Лида с удивлением замечает куст «с премножеством прекрасных цветов», который появился совершенно неожиданно.⁶ Сад «любезных хозяек» Лиды и ее

³ Купцова О. Н. «Мы собрались сюда, чтоб вместе душевный праздник проводить...»: (Эволюция праздничных форм и русский усадебный театр конца XVIII—первой трети XIX в.) // Любительство XVIII—XXI вв. От просвещенных дилетантов до рок-музыкантов. Сборник памяти Милихата Юнисова. М., 2010. С. 93—108. Благодарю А. Ю. Веселову за указание на эту статью.

⁴ Об этом сборнике и участии в нем Карамзина см.: Лотман Ю. М. Со творение Карамзина. М., 1987. С. 246—247; Купцова О. Н. «Мы собрались сюда...». С. 104.

⁵ Веселова А. Ю. Садово-парковое искусство и праздничная культура в России XVIII—начала XIX века // Оказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб., 2010. С. 376.

⁶ Подобные «временные метаморфозы» в домашних спектаклях О. Н. Купцова связывает с волшебной сказкой (См.: Купцова О. Н. Метаморфозы как основа театральности пространства русской усадьбы (конец XVIII—начало XIX в.) // Восток-Запад: Пространство природы и простран-

младшей сестры Милеты посещает Волшебница. Она объясняет, что цветущий куст, выросший «ее искусством», обладает чудесными свойствами: он колет тех, «кто сделал худое дело», а тем, кто сделал доброе, дает приятный аромат.

При всей своей откровенной дидактичности пьеса интересна во многих отношениях. Прежде всего, важно, что она написана для детей. Детская литература только зарождалась в России. Журнал Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума» включал по преимуществу переводные произведения,⁷ а напечатанные там сочинения Карамзина могли быть адресованы скорее юношеству. Правда, героини Урусовой рассуждают порой совсем не так, как было бы свойственно их возрасту. Соглашаясь с наставлениями Волшебницы, Лида заявляет: «О! я никогда ни богатства, ни красоты не желала, вить я всякий год буду старше становиться, а наконец совсем состареюсь, а я еще ни одной старухи-красавицы не видывала, так, на что ж красота, когда она проходит?». Сочинительница пьесы вкладывает в уста юной героини собственные мысли, связанные в свою очередь с темами, интересовавшими М. М. Хераскова и писателей его круга. Будучи его родственницей (двоюродной сестрой), Урусова стала заниматься литературой под непосредственным влиянием Хераскова. В родстве она была и с Н. Н. Трубецким, дружеские отношения поддерживала с его женой Варварой Александровной, а также с семьей И. П. Тургенева.

Неудивительно, что в пьесе Урусова затрагивала нравственно-философские темы, постоянно интересовавшие русских масонов, участников кружка Хераскова и Новикова: сущность добродетели, истинное счастье, красота внешняя и внутренняя. В оде под названием «Красота», входящей в «Философические оды, или Песни» (1769), Херасков писал:

Пригождство лиц минется,
Проходит красота,
И только остается
Приятностей мечта.
<...>
На что же величаться

ство русской культуры в русской литературе и фольклоре. Сб. статей по итогам IV Междунар. науч. конф. (заочной). Волгоград, 19 ноября 2010 г. Волгоград, 2011. С. 352—354).

⁷ Симанков В. И. Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785—1789) // XVIII век. М., СПб., 2015. Сб. 28. С. 323—374.

Своею красотой?
Ей скоро миноваться;
Пригожство — дар пустой.⁸

Одной из главных тем поэта оставалось прославление «возлюбленной добродетели», которая оказывается «любезнее всего». Ода «Сравнение» завершалась словами:

Хоть нам природа, чают,
Отменный ум дала,
Но только отличают
Нас добрые дела.⁹

В пьесе Урусовой появляются темы «истинного счастья», которые стали занимать такое важное место в творчестве М. Н. Муравьева, а затем и Н. М. Карамзина («Разговор о счастии»). Обращает на себя внимание еще одна тема, имеющая некоторое отношение к масонским интересам Хераскова и окружавшим его литераторам — тема волшебства.

Хотя, как известно, женщины не могли быть членами масонских лож, Е. В. Хераскова, А. Ф. Лабзина и, по-видимому, Урусова в большей или меньшей степени были вовлечены в обсуждение идей самосовершенствования и служения добродетели, противопоставления внешнего и внутреннего. Кроме того, их не могло не коснуться распространившееся с 1770-х гг. увлечение магией, тяга к чудесам, ко всему волшебному. Так, секретарь французского министра при русском дворе барон де Корберон в своем дневнике признавался, что в разговоре с русским офицером Измайловым о масонстве он специально упомянул о своей осведомленности в тайных знаниях, рассуждая следующим образом: «...слух о том, что я способен творить чудеса, распространится и немало поможет мне в обращении с дамами».¹⁰ Способность верить в волшебство — важная деталь в пьесе Урусовой.

Волшебница обладает способностью делать чудеса и читать мысли другого человека. Она появляется в прекрасном одеянии, украшенном звездами, что имело определенный символический смысл. По свидетельству И. И. Дмитриева, члены Дружеского ученого общества «с общего согласия носили явно кафтаны оди-

⁸ [Херасков М. М.]. Философические оды, или Песни. М., 1769. С. 50.

⁹ Там же. С. 60.

¹⁰ Цит. по: Смит Д. Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII веке. М., 2006. С. 114.

накого покроя и цвета, голубые с золотыми петлицами».¹¹ Волшебница держит в руках золотой прутик со змеей. Когда одна из девочек спрашивает, живая ли это змея или мертвая, Волшебница объясняет, что она убила эту змею и в результате приобрела особый дар прозрения. Урусова использует двойственную символику, связанную с образом змеи: это и символ зла, и одновременно символ мудрости. Победа над змеей, змеем или драконом, олицетворяющим зло, — мотив очень древний, известный и в фольклоре, и в древнерусском искусстве. В XVIII в. в масонской среде этот мотив привлекал к себе особое внимание. Так, в либретто оперы В. А. Моцарта «Волшебная флейта», написанном Э. Шиканедером (1751—1812), который был тесно связан с масонством, речь идет о том, как волшебные воительницы спасают от страшной змеи принца Тамино. Дополнительные коннотации связаны с образом змеи, обвинившей вокруг жезла — символ соединения Меркурия с Серой, использовавшийся в алхимии.

Конечно, в пьесе, написанной Урусовой для детей, символика проста и понятна: как в сказках, речь идет о победе добра над злом. Когда девочки просят Волшебницу остаться у них, она отвечает: «Остаться у вас я не могу, ибо должна еще проходить многие страны, должна истреблять зло и поселять добро».

Для кого же была написана эта пьеса, и кто участвовал в представлении? Названные в рукописи имена исполнительниц — Катерина Алексеевна и Марья Алексеевна — могут служить отправной точкой, несмотря на всю кажущуюся неопределенность этого указания. При рассмотрении довольно обширного круга родных и друзей Урусовой следовало найти такую семью, в которой имя отца было бы Алексей, а дочерей — Екатерина и Мария. Младшая сестра писательницы Варвара Сергеевна (1751—1831) в конце 1770-х гг. вышла замуж за Алексея Ивановича Васильева (1742—1807), у них появились две дочери: в 1781 г. старшая — Екатерина, и в 1784-м младшая — Мария. В 1790 г., когда была написана пьеса, старшей, исполнявшей роль Лиды, было соответственно 9, а младшей, игравшей Милету, — 7 лет.

А. И. Васильев — один из крупных государственных деятелей конца XVIII—начала XIX в. Его служебной карьере способствовала женитьба на В. С. Урусовой, поскольку она (так же как и Екатерина Сергеевна) была двоюродной сестрой жены генерал-прокурора князя А. А. Вяземского. После Юнкерской школы при Сенате Васильев был вначале мелким служащим, но, оказав-

¹¹ Дмитриев И. И. Сочинения. СПб., 1893. Т. 2. С. 29—30.

шись под непосредственным началом Вяземского, стал правителем его канцелярии и успешно занимался вопросами финансового управления, а во время длительной болезни генерал-прокурора сам решал все важнейшие финансовые вопросы и докладывал о них императрице. После смерти Вяземского в 1793 г. Васильева назначили главным директором Медицинской коллегии, а затем государственным казначеем и наконец в 1802 г. он стал первым министром финансов. Он получил титул барона, а затем графа, его жена Варвара Сергеевна стала статс-дамой.

Служивцем Васильева в Сенате был Г. Р. Державин. Вначале у них были весьма дружеские отношения: Васильев охотно помогал Державину в решении ряда финансовых вопросов, а при рождении младшей дочери Марии просил его стать ее крестным отцом. В его письмах к Державину 1780-х гг. проявляется искреннее уважение и приязнь. В переписке принимали участие и их супруги: Екатерина Яковлевна и Варвара Сергеевна. Впоследствии, однако, отношения испортились, когда при Павле I вместо Васильева государственным казначеем был назначен Державин, а затем при Александре I снова этот пост занял Васильев. О его деловых и человеческих качествах с большим уважением отзывался И. М. Долгоруков: «Он соединял в себе все качества государственного человека <...>. Опыты его ни с кем не сравнивали, он одарен был памятью превосходной, неутомим в трудах, быстр в постижении предметов его звания, усерден и точен в исполнении, в обхождении приветлив, скромн, тих, сердца мягкого, но ума неповадливого».¹²

По роду своей службы Васильев был постоянно связан с Петербургом, и для него было важно иметь загородную усадьбу не слишком далеко. Известно, что в Гдовском уезде Санкт-Петербургской губернии было село Сомово,¹³ возможно, то самое, которое упоминалось как место написания пьесы. Понятно, что когда Урусова навестила свою сестру и племянниц в селе Сомово летом 1790 г., дети были рады выступить в качестве актеров.

Очевидно, спектакль имел успех, и глава семейства не преминул этим воспользоваться, чтобы вскоре подготовить еще од-

¹² Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... / Изд. подгот. Н. В. Кузнецова, М. О. Мельцин. СПб., 2004. Т. 1. С. 261.

¹³ Описание Санктпетербургской губернии по уездам и станам. СПб., 1838. С. 55. Сомово — довольно распространенное название; села с таким названием были также в Воронежской, Орловской, Смоленской, Тульской губерниях.

но представление с участием дочерей и порадовать их талантами своего начальника. Сохранился экземпляр пьесы-пролога, автором которого значится Васильев: «Семейное празднество: в радостное воспоминание брачного сочетания его сиятельства князя Александра Алексеевича и княгини Елены Никитишны Вяземских, представленное почитателем их добродетелей и блюстителем вечной к ним благодарности, Алексеем Ивановичем Васильевым, с его фамилиею, дома их сиятельства села Александровского в саду 1791 года июля 18 дня». Единственный известный экземпляр этого издания, хранящегося в Отделе редких книг Научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского университета,¹⁴ оказывается тоже важным звеном в истории пьесы Урусовой. В «Семейном празднестве» две основные героини: Флора и Помона, а исполнительницами их ролей названы «Катерина и Марья Алексеевны Васильевы, младолетные девицы». Кроме них участвует «окружающее их сиятельство почтенное семейство», а также «хоры музыки и певчих». Действие происходит в селе Александровском, т. е. знаменитой усадьбе А. А. Вяземского, находившейся на Троицком поле. М. И. Пыляев так описывал эту усадьбу:

...тут стояло целое село из каменных домов, расположенное по обе стороны дороги, с красивою церковью, с хорошо построенными сахарным и кожевенным заводами, с трехэтажным господским домом, имевшим громовой отвод. При величественном английском саде в этой усадьбе была еще особая мыза, состоявшая из нескольких домиков. Мыза и сад носили название «Каприза». При входе в сад было прибито следующее стихотворение <Г. Р. Державина>:

«Капризом» назван сад, в который ты идешь;
Но странности ты в сем названьи не найдешь.
Природой были здесь места пренебреженны,
Искусством и трудом теперя украшенны <...>.¹⁵

Ныне из этих строений сохранилась Троицкая церковь и здание конюшен (проспект Обуховской обороны, д. 118).

Тексту пьесы предшествует виньетка, изображающая раскрытую книгу, на которой лежит ветка с цветами. Далее описывает-

¹⁴ Отдел редкой книги Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского университета. Шифр: Е III 225. Благодарю Н. И. Николаева и А. А. Савельева за помощь в ознакомлении с этим изданием.

¹⁵ Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Репринтное воспроизведение издания 1889 года. СПб., 1994. С. 74.

ся то, что открывается глазам зрителей: «Зрелище представляет в саду беседку, и в них сидящих почтенного хозяина с его супругою, украшенных летами, почестями и добродетелями, окруженных их семейством. К ним входят в убранстве Флоры и Помоны две молодые девицы с корзинами, одна — цветов, а другая — плодов» (С. <5> нenum.). Флора и Помона поочередно выступают с чтением приветственных стихов, которое перемежается пением хора, прославляющего «нежных супругов». В примечании указано: «Хоров сих музыка с переменою слов взята первая [из] оперы „Лореты“, вторая из оперы „Добрые солдаты“; [тре]тняя — из торжественных хоров г. Козловского» (С. <6> нenum.).¹⁶

Имя автора стихов в издании не названо, однако позднее это сочинение с очень незначительными разночтениями было включено Державиным в издание его «Сочинений» под несколько измененным названием: «Родственное празднество на брачное воспоминание князя Александра Алексеевича и княгини Елены Никитишны Вяземских, представленное невзначай семейством Алексея Ивановича Васильева в селе Александровском, в саду 1791 года 18 июля». ¹⁷ По всей очевидности, Васильев просил поэта сочинить стихи, подходящие для представления на семейном празднике Вяземских. Эта просьба была не очень приятна поэту, у которого уже давно разладились отношения с генерал-прокурором. Тем не менее отказывать Державин не стал, но, по-видимому, не хотел, чтобы его имя значилось в издании Васильева (менее вероятно, что имя поэта не упомянуто по воле Васильева).¹⁸ В стихах, написанных по заказу, встречались строки, довольно тяжеловесные и не очень удачные, например:

¹⁶ Речь идет о «комедии с песнями» «Лоретта», написанной де Мальзевилем, положенной на музыку Ж. Н. Ле Фруа де Мери, переведенной на русский язык и представленной в домовом театре П. Б. Шереметева (опубликована в 1781 г.); о комической опере М. М. Хераскова «Добрые солдаты» (М., 1779), музыка Г. Ф. Раупаха; о хорах О. А. Козловского на слова Г. Р. Державина, П. М. Карабанова и др.

¹⁷ См.: *Державин Г. Р. Сочинения*. СПб., 1808. Ч. 4. С. 61—66. Позднее сочинение было напечатано Я. К. Гротом: *Сочинения Державина / С объяснительными примечаниями Я. Грота*. СПб., 1867. Т. 4. С. 20—24. Издание Васильева, очевидно, не было Гроту известно. Автограф Державина хранится в РО ИРЛИ РАН (Ф. 96. Оп. 1. № 6. Л. 3—9 об.). За это указание приношу благодарность А. О. Дёмину.

¹⁸ В «Сводном каталоге русской книги XVIII века. 1725—1800. Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения» (М., 1975. С. 14—15) автором издания значится А. И. Васильев.

О! нежные супруги,
Се ваших день прохлад;
Се вам здесь предстоят
Любезны ваши дети, други
И чады ваших чад.

(С. <6> нenum.)

Замысел всего представления, в отличие от пьесы Урусовой, ограничивался только панегирическими задачами. Позднее, однако, стихи Державина обратили на себя внимание М. И. Чайковского, который, работая над либретто оперы своего брата П. И. Чайковского «Пиковая дама», предлагал использовать их для интермедии, хотя находил, что «аллегория Державина» «страшно суха, и, да простит мне Грот, бездарна».¹⁹

Васильеву, по всей очевидности, принадлежала роль главного организатора театрализованного представления для Вяземских, основными исполнительницами которого должны были выступать его дочери, уже приобретшие с помощью их тетушки Урусовой некоторый актерский опыт. Сохранившееся издание позволяет представить Васильева не только успешным сановником, но и человеком, которому были не чужды литературные и театральные интересы. Об этом же свидетельствуют и многочисленные посвящения. Свои труды ему посвящали и начинающие литераторы (переводчики Иван Иконников, Данило Самойлович), и те, которые обращались к нему уже повторно, благодаря за полученное ранее покровительство и помощь (Данило Гродницкий, Максим Парпура). Лекарь Федор Корш писал об «истинном благорасположении» директора Медицинской коллегии «к упражняющимся в науках».²⁰ В посвящении перевода книги А. Смита «Исследование свойства и причин богатства народов» (СПб., 1802) Н. Р. Политковский²¹ называл Васильева своим благотворителем и упоминал о том, что он и повелел ему осуществить этот перевод.

¹⁹ См.: *Чайковский П. И.* Письма к близким. Избранное. М., 1955. С. 615. П. И. Чайковский, критически оценивший стихи Державина, предпочел им тогда же предложенную братом пастораль П. М. Карабанова «Искренность пастушки» (см.: *Денисенко С. В.* Тексты Г. Р. Державина в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама» // *Новгородский Державинский сборник*. (К 200-летию со дня смерти поэта). Великий Новгород, 2016. С. 143).

²⁰ *Фрам А.* Описание нового способа исцелять застаревшие раны на нижних членах... / [Пер. Ф. Корша]. СПб., 1800. С. <6> (нenum.).

²¹ См. о нем: *Щеглова Л. Л.* Политковский Н. Р. // *Словарь русских писателей XVIII века*. СПб., 1999. Вып. 2: (К—П). С. 461—462.

Г. Г. Политковский,²² служивший секретарем в Медицинской коллегии под началом А. И. Васильева, написал пьесу «Верный друг в несчастьи познается» (СПб., 1796) и посвятил ее В. С. Васильевой. Пьеса была представлена в Санкт-Петербурге «благородным обществом генваря 26 дня 1793 года». В предисловии автор сообщал: «Я писал более для зрителей известного круга, нежели для читателей всякого рода».²³ Герои пьесы, благородные супруги Добровы, берут на воспитание детей своего друга Виктора, считавшегося умершим. К его детям они относятся так же ласково, как и к своим собственным, и всех их учат быть сострадательными и отзывчивыми. Проведший много лет в турецком плену Виктор приходит в дом Добровых. Вскоре выясняется, что его покойная жена была родной сестрой хозяйки дома, которую приемные дети называют теперь и матушкой, и тетушкой. Несмотря на некоторую искусственность сюжета, пьеса свидетельствует о том, какое большое значение придавалось в семье Васильевых родственным и дружеским связям. Имена актеров были означены в публикации инициалами, и среди них: «С. Ю. У.» — Сергей Юрьевич Урусов, «Г. Г. П.» — Гаврила Герасимович Политковский, а также легко теперь узнаваемые «К. А. В.» и «М. А. В.» — Катерина Алексеевна и Мария Алексеевна Васильевы, исполнявшие детские роли. Другая пьеса Политковского «Усердие детей, пастушеское зрелище» (1796) тоже посвящалась Варваре Сергеевне Васильевой. Хотя этот текст не сохранился, но даже по заглавию можно полагать, что в постановке снова предполагалось участие Екатерины Алексеевны и Марии Алексеевны, когда-то начинавших свое актерское поприще с пьесы Урусовой «Волшебный куст».

Еще одно свидетельство не прерывавшихся связей этого семейства с любящей тетушкой-поэтессой — стихотворение Урусовой «Степная песнь», опубликованное в альманахе Н. М. Карамзина «Аонида». Оно адресовано «трем милым пастушкам», которые живут «на Невских берегах», на «врачебном острове» (т. е. Аптекарском острове), купаются и «плетут из роз венки».²⁴ Их имена скрыты за инициалами: «В... К... М...». Можно теперь также без труда расшифровать имена адресатов: это Варвара, Катерина и Мария Васильевы. Вслед за стихотворением Урусовой

²² См. о нем: Николаев С. И., Степанов В. П. Политковский Г. Г. // Там же. С. 460—461.

²³ Политковский Г. Г. Верный друг в несчастьи познается. СПб., 1796.

²⁴ К-а К-а У-а [Княгиня Катерина Урусова]. Степная песнь // Аонида. 1798—1799. Кн. 3. С. 27—30.

напечатан «Ответ» за подписью «Н... П....», где были следующие строки:

В забвении оставя свет,
Темира где, наш друг бесценный,
В унынии своем поет,
Чтоб утешать своих пастушек <...>.²⁵

Зная круг друзей и покровительствуемых в семье Васильевых литераторов, нетрудно раскрыть и эти инициалы: автором был, очевидно, Николай Романович Политковский, начинавший свою карьеру в канцелярии Васильева и написавший позднее его биографию.²⁶

Так, привлечение новых архивных материалов и редких изданий, не попадавших еще в поле зрения исследователей, помогает установить целую цепь тех многочисленных связей, которые существовали между разными большими и малыми участниками литературного процесса в России XVIII столетия, открыть еще одну страницу в истории русской усадебной культуры этого времени.

О судьбе юных исполнительниц в пьесе «Волшебный куст» сохранились сведения, так же как и портреты всех членов семьи Васильевых, выполненные В. Л. Боровиковским.²⁷ Обе дочери вышли замуж: Екатерина Алексеевна (1781—1860) — за князя генерал-лейтенанта Сергея Николаевича Долгорукова, а Мария Алексеевна (1784—1829) — за генерала от кавалерии графа Василия Васильевича Орлова-Денисова, героя войны 1812 г., командира лейб-казаков. У Екатерины Алексеевны было двое детей. Мария Алексеевна имела 9 детей, но, к сожалению, прожила всего 45 лет. На портрете, написанном в 1801 г., Мария Алексеевна, когда-то исполнявшая роль Милеты, держит в руках цветок, может быть, тот самый, которым когда-то ее наградила Волшебница.

²⁵ Н... П... [Политковский Н. Р.]. Ответ // Там же. С. 31—34.

²⁶ [Политковский Н. Р.]. Биография графа Алексея Ивановича Васильева // Сын отечества. 1827. № 18. С. 152—169. Автор вспоминал о доброжелательном отношении Васильева к своим подчиненным, о его домашнем времяпрепровождении, когда хозяин «в присутствии семейства и гостей занимался и делом, и гостями» (С. 163).

²⁷ Н. П. Морозовой удалось определить, что портрет неизвестного, хранящийся во Всероссийском музее А. С. Пушкина, представляет собой портрет Г. Г. Политковского (см.: Морозова Н. П. Портрет неизвестного в сенаторском мундире // Г. Р. Державин и его время. Сб. науч. статей. СПб., 2014. Вып. 9. С. 100—103).

ВОЛШЕБНЫЙ КУСТ*

Л. 1

Комедия в одном действии

1790 года

Июля... числа

Писана в селе Сомове

Сочинена княжною Катериною Сергеевной Урусовою¹ //

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Л. 1 об.

*Лида — Катерина Алексеевна²**Милета, сестра Лидина — Марья Алексеевна**Волшебница — <...>³ //*

Театр представляет рощу, в правой стороне куст с различными цветами.

Л. 2

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лида

(одна)

Я не узнаю здешних мест? Они совсем переменились, и вчера, гуляя по сим рощам, куста сего я не заметила. Как мог он так скоро вырасти, и я понять не могу! На нем премножество прекрасных цветов, и, ежели бы я верила волшебствам, я бы подумала, что какая-нибудь волшебная сила изволила посетить наши рощи. Но, почитая всякие волшебства сказкою, не могу подумать, чтобы волшебство // в наши места поселилось. И для того Л. 2 об.
подойду к кусту, стану рвать цветы, веночки из них свяжу, один подарю сестрице, в другой сама наряжусь, и будем мы очень похожи на пастушек, пойду.

* Текст публикуется с учетом принятых в настоящем издании правил модернизации орфографии и пунктуации.

¹ Последняя фраза написана другим почерком и другими чернилами.

² Выделенное курсивом вписано также другим почерком и другими чернилами.

³ Следующие за этим слова тщательно затерты.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лида и Милета

Милета

Ах! сестрица, не подходи к кусту, не подходи, пожалуста, не подходи: он волшебный! *(Она отводит Лиду от куста).*

Лида

Что это значит? Здесь подлинно все переменялось, и сама ты, сестрица, // кажется, так же переменялась, как здешняя роща: ты начала верить волшебствам? Этого за тобою никогда не бывало. Да скажи, пожалуй, почему ты куст сей волшебным считаешь?

Милета

Потому что я давеча, гуляя здесь, встретила женщину в странной одежде с золотым прутиком. Она прошла мимо рощи, и я вдруг услышала за сим кустом такое пение, какого я никогда не слыхивала.

Лида

И ты, конечно, струсил, услыша пение? Да как же пели, и кто пел? Расскажи мне, пожалуй, или пропой то, что слышала. //

Л. 3 об.

Милета

Я, право, думаю, что это волшебные духи пели, и я вслушалась в их песню.

Лида

Смешна ты мне, бедная Милета: не подлинно ли ты думаешь, что волшебные духи здесь завелись? Пожалуста, пропой, мне очень хочется слышать, как поют волшебные духи: у тебя голос приятный, чистый. Пропой, моя милая, мне, по<жа>лоста то, что духи пели!

Милета

А вот что они пели *(поет)*:

Не касайся ты куста:
Здесь волшебные места.
Коль цветок сорвать посмеешь,
Вся, как прах, ты вдруг истлеешь.
Силе ты волшебной верь:
Скройся ты к сестре теперь. //

Я, выслуша песню, так проворно побежала, что никто бы меня догнать не мог, а теперь опять прибежала сюда тебя остеречь от куста: не трогай его, пожалоста.

Л. 4

Л и д а

Ты, голубушка сестрица, всему поверишь, что тебе ни скажут, а я не так легковерна и, пока своими глазами чудес не увижу, не поверю никаким волшебствам.

М и л е т а

А ты, моя голубушка, ничему не веришь, но увидим, как ты усомнишься, когда сюда Волшебница придет! Ах! да вот и она, точно она. Не убежать ли нам, сестрица? (*Волшебница входит с прутиком*). //

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Л. 4 об.

Волшебница, Лида, Милета

Л и д а

Зачем бежать, постой: встретим эту премудрую гостью, вить мы хозяйки. (*К Волшебнице*): Здравствуй, госпожа Волшебница! Подвинься к нам и поговори с нами, пожалуй! (*Волшебница подходит к ним*).

В о л ш е б н и ц а

Здравствуйте, любезные хозяйки счастливого жилища сего! Присутствие мое, конечно, обрадовало вас!

Л и д а

Обрадовало, но не меньше и удивило. Ах! госпожа Волшебница, как ты нарядна, как хорошо одета, какие светлые звезды у тебя на платье видны! //

М и л е т а

Л. 5

И какая ты прекрасная! Я давеча, увидя тебя издали, испугалась тебя, а вблизи ты ничего не страшна, а очень приятна. Можно ли поцеловать тебя, госпожа Волшебница?

В о л ш е б н и ц а

О, невинная <так! — *Н. К.*> дитя! Можешь ты смело целовать меня: я точно не страшна, и меня бояться не должно.

Л и д а

Что это за змия у тебя на прутике, госпожа Волшебница? Живая она или мертвая?

В о л ш е б н и ц а

Л. 5 об. Мертвая: я убила сию змию, с тех пор сделалася волшебницею, с тех пор я начала узнавать, что // у кого есть на уме, что есть на сердце и, словом сказать, от меня ничего скрытного нет.

Л и д а

Вот какие чудеса ты нам рассказываешь! Право, весело тебя слушать: ты, мне кажется, премудренная мудрость. Поговори с нами, пожалуй, еще о своих мудростях.

В о л ш е б н и ц а

Говорить с вами я стану, а волшебных чудес делать не могу, потому что одна из вас сомневается в моей науке.

М и л е т а

Которая же из нас сомневается?

В о л ш е б н и ц а

Старшая сестра твоя, Лида. Но я заставлю ее верить моему таинству. //

Л. 6

Л и д а

Я имею привязку ничему без доказательств не верить, а ежели ты сделаешь при мне чудеса, то я даю тебе слово верить тебе во всем.

В о л ш е б н и ц а

Л. 6 об.

Благоразумный ответ твой так мне понравился, что я, несмотря на твоё сомнение, начну чудеса мои делать. Знайте, что куст сей моим искусством вырос. Здесь цветы, которые вы на нем видите, имеют вот какое свойство: ежели кто сделал худое дело и дотронется до них, они уколут так, как самая острая булавка; и ежели же кто доброе дело сделал, то они испустят такой // приятный из себя запах, с которым ничто равняться не может. Хотите ль вы испытать сию истину?

Л и д а

Охотно хочу! Какие чудесные цветы! Пожалуй, подведи меня к ним, госпожа Волшебница!

М и л е т а

А меня не подводи!

В о л ш е б н и ц а

Нет, и ты подойдешь к ним, Милета. Но надобно, чтобы одна из вас вышла, а другая со мною осталась: я порознь вам чудеса мои показывать стану. Ты, Милета, выдь, а ты, Лида, со мною останься. //

Л и д а

л. 7

Изволь, я остануся с тобою. Поди, сестрица, оставь меня одну с Волшебницею.

М и л е т а

(шепчет сестре)

Смотри, сестрица, все скажи Волшебнице, ничего не скрывай: она все знает. *(Уходит)*.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Волшебница, Лида

В о л ш е б н и ц а

Подойди к кусту и дотронься до цветов, поди смелее, не робей.

Л и д а

Нимало не боюсь цветов твоих, и очень смело иду к ним.

(Она дотрагивается до цветов, и один цветок укалывает ее).

Л и д а

(вскричала) //

Ах, больно, больно: уколол меня цветок. Верю, госпожа Волшебница, твоей волшебной силе и даю тебе слово во всем тебе верить. *(Отходит от куста)*.

л. 7 об.

Волшебница

Да разве ты сделала худо сегодня?

Л и д а

Превеликое худо сделала! Я уже от тебя таиться ни в чем не стану. Вот какое худо я сделала: давеча пришла ко мне бедная старушка просить милостыни, а я в это время спешила играть в караводы и отказала старушке, сказав ей, что я спешу забавы мои начать, а ей завтра велела притти. Не правда ли, что это великое худо? //

л. 8

Волшебница

Очень великое. Но хорошо, что ты считаешь то за худо, а всего лутче то, что ты за вину свою наказана цветком. Теперь верь же моей науке, верь и тому, что я есть добрая, а не злая волшебница. Ежели бы злая сила во мне действовала, то я бы за худо не наказывала, а за добро не награждала.

Л и д а

Верю, верю твоему волшебству, и я полюбила тебя очень за то, что ты наказала меня за вину мою. Пожалостя, и впредь меня наказывай за всякое худо: я от того могу перестать худые дела делать. //

л. 8 об.

Волшебница

О благоразумная Лида! За таковое твое доброе желание награжу я тебя всяким счастьем. Теперь поди и пришли ко мне сестру твою: мне ее испытать надобно. Но когда я постучу моим прутиком, ты войди ко мне.

Л и д а

Не хочется мне расстаться с тобою, так я тебя полюбила. Однако исполню твое приказание. (*Уходит*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Волшебница

(одна)

л. 9

Молодая сия девица много доброго в себе имеет, и я добрую мою волшебную силу употреблю в совершенную // ее пользу: на-

ука наша должна в добро, а не во зло обращаться. Но вот идет Милета.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Милета, Волшебница

Волшебница

Ты знаешь уже действие цветов моих. Хочешь до них дотронуться?

Милета

На что же мне до них дотрогиваться: вить я верю волшебству. Пожалуста, не вели мне подходить к кусту: мне не хочется.

Волшебница

Иногда надобно делать и то, чего не хочется: я для того и приказываю тебе дотронуться до цветов, // что тебе не хочется их тронуть. Послушание есть великая добродетель. Подойди, я тебе повелеваю. л. 9 об.

Милета

Очень мне не хочется тронуть цветы, а тебя послушаться хочется, и я исполню твое приказание, а не мою волю. *(Она трогает цветок, и он испускает приятный запах)*. Ах, какой приятный запах я слышу! *(Отходит от куста)*.

Волшебница

Ты сделала, конечно, какое-нибудь доброе дело, потому что цветы приятный запах из себя испустили. Для чего же не хотела ты до них дотронуться? //

Милета

л. 10

Для того-то я и не хотела к ним подойти. Я не люблю, чтобы знали другие, когда я доброе дело сделаю: на что открывать хорошие свои дела? Позволь мне не сказать тебе доброго моего дела!

Волшебница

О моя возлюбленная Милета! Не ожидала я от юности твоей столь великой добродетели. Ты справедливо мыслишь, что своих

добрых дел открывать не должно, а только делать их надобно. В тебе и в сестре твоей вижу я великие добродетели, которые приумножу я моей волшебною силою, а вы познаете, в чем состоит // истинное благо. Вы достойны быть счастливыми. *(Она стучит прутиком, и Лида входит)*.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лида, Милета, Волшебница

Волшебница

Ну, мои возлюбленные дети! Испытала я сердца ваши и нашла много доброго. Я наградить вас хочу: каждой из вас дам по волшебному цветку, до которого вы дотрогивались, а цветы сии имеют силу исполнять все желания человеческие, и вы, имея их, получите все то, чего вы пожелаете. Но скажите мне, чего бы вы пожелали? //

Л. 11

Лида

Я только желаю иметь добрый нрав и всеми любима быть.

Милета

А я желаю всех любить и всякому человеку добро делать.

Волшебница

Удивляюсь вашим добродетелям, любезные дети! Вы такие желания имеете, которые истинное счастье людей составляют, и я не откажу вам в благополучии вашем, Благотворная сила излияла в сердца ваши таковые желания, и вы будете совершенно счастливы; верьте, мои возлюбленные, что ни богатство, ни слава, ни красота не могут доставить // истинного блага. Одна только невинность и непорочность чувствовать счастье умеет. Вы одарены такою невинностию и будете истинно благополучны.

Л. 11 об.

Лида

О! я никогда ни богатства, ни красоты не желала: вить я всякий год буду старше становиться, наконец, совсем состареюсь, а я еще ни одной старухи красавицы не видывала, так на что ж красота, когда она проходит?

Милета

И мне она не надобна, а богатства еще меньше. Я знаю одну богатую нашу соседку, которая беспрестанно грустит да плачет, а я без богатства всегда весела и спокойна. //

Волшебница

Л. 12

По желанию вашему награждаю я вас лутчими дарованиями. Подойдите, мои возлюбленные к кусту. *(Все три подходят, и Волшебница срывает два цветка, отдает один из них Лиде)*. Возьми, Лида сей таинственный цветок и имей его всегда при себе. Он никогда не увянет, ты будешь всеми любима, и доброта права твоего никогда испорчена не будет.

Лида

Ах, ежели я всеми любима буду, как мне весело жить будет! Благодарю тебя, любезная Волшебница, за награждение: ты // меня счастливой делаешь, и я милостей твоих никогда не забуду. Л. 12 об.

Волшебница

(отдает другой цветок Милете)

Вот и тебе, любезная Милета, цветок. Он будет подавать тебе способ добро людям делать. Ты всех любить будешь и познаешь, сколь великое утешение в таковом чувствовании заключается.

Милета

Целую руки твои, госпожа Волшебница, за такое награждение. Как я рада, что всякому могу добро делать. Ах! у меня от радости сердце дрожит.

Волшебница

Теперь открою вам, каким образом я в места ваши попала. // Я проходила многие страны, и где встречалось мне зло, там я истребляла его волшебной моею силою; а где находила добро, там поддерживала его и умножала. Такова есть сила науки моей. Наконец, самая сия волшебная сила повлекла меня в жилище ваше, где я нашла многие добродетели. Для всегдашнего блага вашего наградила я вас моими таинственными цветами, в коих заключено истинное счастье и то самое счастье, которого сами вы иметь пожелали. Знайте, что жилище ваше всегда сохранено будет благотворною силою, которая сохранять вас не перестанет, а куст исчезнет сам собою. //

Л. 13

Л. 13 об.

Л и да

Да ты останешься ли жить с нами, добрая Волшебница? Не покидай нас, пожалуста: нам без тебя скучно будет.

В о л ш е б н и ц а

Нет, моя возлюбленная, остаться у вас я не могу, ибо должна еще проходить многие страны, должна истреблять зло и поселять добро. Прощайте! Я подтверждаю вам — один раз и навсегда, — что истинное благо внутри чистых сердец заключается: там его ищите и почувствуете, что счастье ваше живет в вас самих.

М и л е т а

Хотя несколько дней поживи с нами, добрая Волшебница, пожалуста, поживи! //

Л. 14

В о л ш е б н и ц а

Не могу исполнить вашего желания, ибо чрез то нарушу законы моей науки. Не печальтесь обо мне, любезные дети. Счастье ваше навсегда устроено, и моя сила никогда от вас отсутственна не будет. (*Уходит*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Л и да, М и л е т а

Л и да

Как жаль, что она нас оставила, но она не велела нам печалиться много, и надобно в том ее послушать. Сохраним, сестрица, цветы наши: они нас от всякого зла остерегать будут. //

Л. 14 об.

М и л е т а

Мой цветок всегда со мною будет, и ты увидишь, сестрица, как мы будем всегда благополучны.

Л и да

О, конечно, будем мы благополучны. Волшебница нас не обманывала. Она сказала, что счастье наше в нас самих заключено и что, ежели сердца наши добры будут, то всякое добро мы узнаем. И так будем стараться всегда иметь добрые и чистые сердца и будем чрез то всегда счастливы.

Finis